

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-178-183

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

СПИЦЫН Е. Ю. ЛОЖЬ И ПРАВДА О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ.

СОВЕТСКАЯ ДЕРЖАВА В 1945–1985 ГГ. М.: КОНЦЕПТУАЛ, 2024. 816 С.

Багдасарян В. Э.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

BOOK REVIEW:

SPITSYN E. Y. LIES AND TRUTH ABOUT THE SOVIET ECONOMY.

SOVIET STATE IN 1945–1985. M.: CONCEPTUAL, 2024. 816 P.

V. Bagdasaryan

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Созданные в либеральный период стереотипы в отношении СССР по-прежнему формируют деформированную картину видения прошлого. Ориентация на эти стереотипы приводит к ложной рецептуре в отношении современной политики. Реальный опыт восстановления суверенитета российской государственности в остром конфликте с коллективным Западом приводит к переосмыслению многих институций советской системы как функциональных, способных выдерживать максимальные нагрузки и решать сложнейшие задачи¹. Но восстановить эти институции оказывается не так-то просто. Приходит понимание разрушительных последствий антисоветского дискурса в истории.

Среди важнейших компонент антисоветизма особое место занимает критика советской модели экономики. Советская экономическая система была определена как исключительно неэффективная, а на фоне мирового опыта – аномальная. Аномальность её и неэффективность виделась либеральными критиками в отступлении от законов рынка, считающихся незыблемыми и фундаментальными². Положение о неэффективности советской экономики вступало в явные противоречия с фактами советских экономических прорывов. Очевидность несоответствия историографических стереотипов историческим реалиям, про-

¹ Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 328 с.

² Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.; Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84.

являемым не только через статистику, которую могут уличить в фальсификациях, а в банальной фиксации построенных в советское время заводов и возведённых городов, обусловило проведение либеральной корректировки. Суть этой корректировки состояла в признании советских экономических прорывов с той оговоркой, что они могли быть осуществлены в индустриальную эпоху, тогда как в постиндустриальном мире плановая экономика была будто бы уже не функциональна. Соответствующее видение сохраняет свои незыблемые позиции в учебной исторической литературе и в настоящее время¹.

По-прежнему через искажённое в оптике либеральной экономической теории истории СССР расставляются стратегические ловушки, такие как, например, концепт постиндустриального общества, критический анализ которого упорно игнорируется². А между тем в Соединённых Штатах Америки команда Д. Трампа разрабатывает программу реиндустриализации. И очевидно, что новый технологический прорыв будет осуществлён не по лекалам либерального рынка. С большой степенью вероятности возникнет запрос на советский опыт экономического развития, в частности, уникальный опыт Госплана СССР³. В этом отношении скорейшее устранение либеральных бастионов во взглядах на советскую историю имеет стратегическое значение для будущего России. Монография Е. Ю. Спицына системно решает эту задачу в применении к экономической истории СССР.

Экономическая история предполагает оперирование материалами статистики. Опора на статистику позволяет автору книги убедительно показать, что советская модель экономики была не просто эффективной, наиболее эффективной из всех национальных экономических систем. Послевоенное восстановление осуществлялось в СССР быстрее, чем во всех пострадавших от войны стран мира. Темпы роста экономики были выше, чем в ФРГ и Японии, чье развитие характеризуется, соответственно, как немецкое экономическое чудо. При Н. С. Хрущёве они, в сравнении со сталинским периодом, замедлились, но даже потрясения хрущёвского волюнтаризма не лишили СССР позиции самой динамично развивающейся экономики мира. Даже в позднесоветский период, когда стали проявляться очевидные кризисные процессы, Советский Союз экономически развивался быстрее своего главного конкурента – США. И только уже в перестроечный период, когда система была существенным образом изменена, Соединённые Штаты выходят в этой условной гонке темпов роста вперёд (с. 24, 363).

Из приведённых материалов может быть сделан вывод прямо противоположный тому, который делают либеральные историки⁴ – об огромных потенциалах советской системы экономики. В своём классическом виде, сформированном к концу сталинского периода истории, её возможности были колоссальны. Последующее замедление темпов роста и кризисные процессы были связаны не с недостатками модели, а отступлениями от неё⁵. Привнесение иносистемных компонент, как это имело место, например, в результате косыгинских реформ, созда-

¹ История России: учебник для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Наука, 2024. С. 390, 396.

² Постиндустриализм. Опыт критического анализа / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, С. Г. Кара-Мурза, М. В. Деева, Ю. А. Сафонова. М.: Научный эксперт, 2012. 288 с.

³ Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра, 2021. 360 с.

⁴ Баев Е. В. Развитие системы управления советской экономикой в послевоенный период (1945–1953 гг.): дис. канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 200 с.; Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 232 с.

⁵ Багдасарян В. Э. Сталинизм: цивилизационное осмысление. М.: Концептуал, 2024. 224 с.

вало внутренние противоречия. Конвергенция не усиливала социалистическую модель экономики, а ослабляла её. Перестройка оценивается в книге как разрушение системы социализма, причём не только по факту, но и по замыслу (план Ю. В. Андропова, план А. И. Яковлева) (с. 748–754, 766–767).

Миф о советском тоталитаризме включает утверждение об идейном единстве на всех уровнях государственной вертикали. Вопреки этим представлениям в книге показана непрекращающаяся дискуссия в рассматриваемый исторический период 1945–1991 гг. о системе социалистической экономики. Советский Союз был первым в мире социалистическим государством, а соответственно, не имел шаблонов развития. Не было ответов об экономике социализма и в политэкономии К. Маркса, сосредоточившемся в своём анализе на товарно-денежных отношениях при капитализме. Дискуссия возникла по принципиальному вопросу о том, сохраняются ли при социализме товарно-денежные отношения. Этот вопрос преломлялся соответственно и в проблему о том, извлекается ли при социалистическом производстве прибыль. Решение проблемы прибыли при социализме не имело сугубо академического характера. Ориентация на прибыль означала ориентир на денежные эквиваленты успешности, отрицание прибыли – на производство товаров (с. 9–15, 213, 589–609).

Е. Ю. Спицын классифицировал дискутирующие стороны как группы «товарников» и «планомерников». Одна сторона стояла за усиление рыночной компоненты, вторая – модернизацию государственного планирования. Товарники выступали за переориентацию на отрасли экономики группы «Б» – потребительского сектора, планомерники исходили из положения о фундаментальном значении производства средств производства – группы «А» (с. 589).

Дискуссия началась ещё при Сталине и шла с переменным успехом вплоть до перестройки, когда рыночники не взяли окончательный верх. Е. Ю. Спицын впервые реконструировал детали этой борьбы. Интерес представляет, в частности, его оценка проекта академика В. М. Глушкова, приобретшего сегодня популярность как нереализованная альтернатива технологической модернизации Госплана (модель «кибернетического коммунизма»)¹. Е. Ю. Спицын показывает, что идея технологически модернизировать Госплан не сводилась к Глушкову и имела значительную поддержку в верхах (с. 609).

Книга Е. Ю. Спицына крайне полезна в качестве комплексной работы по критике мифов экономической истории СССР. Автор показывает несоответствие показателям экономической динамики СССР утверждение ряда либеральных историков о пробуксовке развития экономики и даже кризисе последние годы сталинского периода. Для либералов было важно провести мысль, что Сталин оставил после себя не перспективную, а проблемную экономику, что и определило необходимость последующих реформ. Спицын доказывает, что всё было с точностью до наоборот. Наиболее проблемными были первые послевоенные годы, тогда как на начало 1950-х гг. советская экономика набрала максимальные обороты (с. 16–17, 23–28).

Развенчиваются также либеральные мифы об определяющем характере в сталинской экономике фактором ГУЛАГа и германских репараций. Долевое значение обоих факторов, как показано в книге, было второстепенным. Основы сталинской экономики были иными (с. 78–91).

Вслед за В. Ю. Катасонов Спицыным показана роль Московского междуна-

¹ Майдельман О. Тот, кто придумал советский интернет и цифровые деньги [Электронный ресурс]. URL: <https://nationmagazine.ru/people/tot-kto-pri-dumal-sovetskiy-internet-i-tsifrovyye-dengi/> (дата обращения: 12.10.2024).

родного экономического совещания как проекта выстраивания советскоцентричной мировой экономики, перехват первенства у США в глобальной экономике¹ (с. 100–104). Среди разоблачаемых в книге мифов антисоветских ещё один либеральный стереотип – о сталинском погроме кибернетики. Е. Ю. Спицын показывает, что ничего подобного не только не было, а имела место приоритетная поддержка новых направлений обработки «больших данных» (с. 132–140). Весь «погром» оказался сведён к нескольким статьям, изданным уже после смерти Сталина. Критическое отношение было не к кибернетике как нового метода работы с информацией, а увлечения кибернетиков, в частности, основоположника кибернетической науки Нормана Винера идеями технологического переконструирования человека². Сегодня эти идеи определяются понятием «трансгуманизм», угрозы которого вполне очевидны. В этом отношении советская критика кибернетики на стадии её возникновения была оправданна и, к сожалению, не продолжена в последующее время³.

Исследования Е. Ю. Спицына дали наиболее полную картину деструктивной роли Н. С. Хрущёва в отечественной истории, после которых уже, как кажется, невозможно оценивать его даже как фигуру двойственную. Историк продолжает критическую линию, данную ранее в книге с ёмким названием «Хрущёвская слякоть»⁴. Слякоть – другая характеристика состояния «оттепели» примени-

тельно к хрущёвскому периоду оказалась с позиции приводимых фактов наиболее точной метафорой, отражающей период ликвидации мобилизационной модели управления. Е. Ю. Спицын осуществляет разбор широкого перечня хрущёвских деяний, определяемых автором как разгром сталинской модели экономики. К такого рода хрущёвским деяниям относится ликвидация машинно-тракторных станций (МТС) как одной из самых удачных находок в сталинской аграрной политике (с. 455–463). МТС позволяли концентрировать технический потенциал советской власти для использования его на селе, позволяли проводить соответствующее плановое обновление. МТС, что немаловажно, были связаны также с соответствующими социальными инфраструктурами, являвшиеся основой курса сближения качества жизни города и деревни. Через МТС государство могло с успехом воздействовать на колхозы, и этот механизм в результате хрущёвской реформы был утрачен.

Для характеристики хрущёвских реформ на селе Е. Ю. Спицыным используются понятия «новая коллективизация» и «второе раскулачивание». Представления либералов – будто бы Хрущёв дал свободы, которых не было при Сталине, в применении к аграрной сфере – совершенно не подтверждаются. Всё было с точностью до наоборот. При Хрущёве было начато новое наступление на приусадебные участки, ликвидируются артели, происходит укрупнение коллективных хозяйств с ликвидацией малых деревень, многие колхозы преобразуются в совхозы (с. 463–469).

Ещё один разоблачаемый в книге стереотип заключается в утверждении о блокировании советскими консерваторами реформы Косыгина-Либермана. Эта реформа могла бы, согласно распространённому представлению, реализовать в СССР то, что впоследствии удалось в КНР Дэн Сяопину. В книге Е. Ю. Спицына показано, что успехи VIII пятилетки,

¹ Катасонов В. Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М.: Кислород, 2014. 352 с.; Катасонов В. Ю., Платонов О. А. Экономика Сталина. М.: Кислород, 2014. 416 с.

² Wiener N. *he Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society*. Boston: Houghton Mifflin, 1954. P. 49–50.

³ О'Гиблин М. Бог, человек, животное, машина. Поиски смысла в расколованном мире. *Individuum*, 2024. 336 с.; Четверикова О. Н. Диктатура «просвещённых»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Геннадий Маркелов, 2018. 160 с.

⁴ Спицын Е. Ю. *Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964*. М.: Концептуал, 2019. 608 с.

характеризуемой активным внедрением хозрасчёта, были сильно преувеличены и являются, в сущности, статистическим мифом. Ещё более важным стало опровержение позиции: будто бы косыгинская реформа была свёрнута партноменклатурой под влиянием событий Пражской весны. Е. Ю. Спицын показывает, что события в Чехословакии существенным образом на экономический курс СССР не повлияли и не могли повлиять. Разочарование в реформах были связаны с порождёнными ими проблемах – разгоне инфляции, проедании через рост заработной платы имеющихся ресурсов (с. 608, 647–648, 663).

Впрочем, как показано в книге, косыгинские реформы не были исключительно ограничены периодом VIII пятилетки, имея соответствующую пролонгацию в 1970-е гг. Собственно, реформы никто и не отменял. Выделялось, по меньшей мере, 3 реформационные волны, связанные с фигурой А. Н. Косыгина. Последняя из попыток косыгинского реформирования датируется 1979 г., традиционно относимого ко времени «глубокого застоя». Е. Ю. Спицын справедливо отмечает фактически полное игнорирование её в историографии (с. 685). Такое историографическое умолчание может быть объяснимо противоречием факта продолжающихся попыток реформ с навязываемым представлением о застойности и неререформируемости советской системы. В целом образ А. Н. Косыгина как несостоявшегося советского Дэн Сяопина несколько меркнет на фоне приводимых фактов, становится более заурядным (с. 701). Формирование же вокруг косыгинского зятя Д. М. Гвишиани группы будущих реформаторов-западников и вовсе задаёт отличный от традиционного ракурса интерпретации значения фигуры советского премьера (с. 753–754).

Вкладом Е. Ю. Спицына в анализ последнего периода истории советской эко-

номики, времени её демонтажа, является реконструкция происходящих процессов как целевого замысла. Демонтаж советской системы экономики начал подготавливаться сообразно с «андроповским планом». Ю. В. Андропов, судя по всему, не считал, что в СССР построено социалистическое общество. В соответствии с этим пониманием, вероятно, и затевались реформы, связанные с логикой конвергенции и системой многоукладности, т. е. сочетания элементов социализма и капитализма. Фактически это означало переход на капиталистические рельсы. Для осуществления соответствующего перехода формируются перспективные кадры, подготовка которых осуществлялась, в частности, через стажировки за рубеж (с. 748–756).

Вопреки распространённому мнению, краткий период руководства КПСС К. У. Черненко не являлся отказом от реформаторского замысла. Напротив, как показано в книге, черненковский период был важной логической связкой между андроповским и горбачёвским. Е. Ю. Спицын называет его «эмбрионным периодом перестройки» (с. 756).

Важное значение в раскрытии целевых замыслов перестройки Е. Ю. Спицын отводит идеям А. И. Яковлева, которыми он окормлял М. С. Горбачёва. Приводятся письма «прораба перестройки» к генеральному секретарю, из которых следует наличие цели отказа от социализма как человеконенавистнической системы и марксизма как неадекватного реалиям мирового развития учения. Горбачёв, получивший соответствующие ревизионистские послания ещё в 1986 г., не только не изгнал Яковлева из партии, но и не отдал его от себя. Всё это даёт основание предполагать, что Горбачёв во многом разделял яковлевские идеи. Итог – ликвидация социализма оказывалась, таким образом, не результатом выхода

ситуации из-под контроля, а программируемым исходом (с. 759–767).

Книга Е. Ю. Спицына ценна не только как историческое исследование, но и в качестве системной историографии истории советской экономики. Оценки и интерпретации дифференцируются по

позициям, оказывающимися сопряжены с различными идеологическими подходами. И, по-видимому, эпоха либеральной идеологической доминанты во взгляде на историю СССР закончилась.

Дата поступления в редакцию 24.12.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Рецензия на книгу: Спицын Е. Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг. М.: Концептуал, 2024. 816 с. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 178–183.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-178-183

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Book review: Spitsyn E. Y. Lies and truth about the soviet economy. Soviet state in 1945–1985. Moscow, Konzept Publ., 2024. 816 p. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 178–183.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-178-183